

Восстание

1. Подпольщики

В доме нижезаимского крестьянина Тимофея Балановского, что стоял на отшибе большого села, в бедняцком Песочном переулке, в субботу 1 марта шло последнее тайное собрание местных подпольщиков.

Завтра в полдень в деревне Шиткиной, стоящей на границе Шелаевской, Неванаской и Конторской волостей, должно **начаться восстание**. Так решил главный подпольный штаб, члены которого отвечали за подготовку боевых групп на местах. Нижняя, или, как ее еще называли, Кочергина Заимка была поручена члену главного штаба Станиславу Александровичу Свенцкому. Он и приехал сюда на своем саврасом бегунце, чтобы открыто объявить заимским подпольщикам и добровольцам о времени восстания.

Около тридцати человек, собравшихся в тесной избе, при тусклом свете керосиновой лампы слушали Свенцкого. Время было уже позднее, ставни окон закрыты, у ворот выставлен пост, чтобы ненароком не проскочил в дом какой-нибудь шпик. Станислав Александрович уже рассказал про первые боевые успехи тасеевских и степно-баджейских повстанцев, о том, что все трудящиеся Сибири поднимаются на борьбу с колчаковцами и что с тасеевцами уже установлена связь.

— Настало время и нам выступать!—говорил Свенцкий. — Восстание подготовлено, и этой подготовкой — теперь об этом можно говорить открыто — руководил главный подпольный штаб из надежных и опытных людей, защитников трудового народа и непримиримых врагов буржуазии. В Шиткину уже прибыла часть добровольцев из Черчета и Заречинска. Завтра утром, или к обеду Иван Адреевич Бич приведет основные силы повстанцев. Медлить больше нельзя. Выходить надо сейчас же, после собрания. Решайте!

Стали говорить местные подпольщики. Собрание было в разгаре, как вдруг в избу вбежал с кнутом в руке сельский кузнец Николай Куприянов.

— Каратели едут! Вот- вот в деревне будут!

Кузнец был подпольщиком, знал о предстоящем ночном собрании, но ему надо было съездить в Тайшет за покупками, и он надеялся управиться. Возвращаясь в ночь, он нагнал за Старым Акулышетом подозрительный обоз.

«Это же каратели, а там собрание...» — молнией пронеслось в голове. Что делать? Как предотвратить беду? Бражный мост! От него идет сворот на иннокетьевскую мельницу. А оттуда и на Нижнюю Заимку дорога есть. Мысль сработала быстро и четко.

Николай Иванович попридержал коня, чтобы беляки его не заметили. Надо держаться поодаль, но так, чтобы не терять их совсем из вида.

Между деревней Коноваловой и Нижней Заимкой, у Бражного моста Куприянов свернул на спасательную объездную дорогу и, выжав из лошади все что возможно, и опередил белогвардейцев.

Никто не окол, какими сведениями располагают колчаковцы, куда и зачем они едут.

— «Запрягайте коней, берите оружие — и в Шитку! — оросил Свенцкий и поспешил на квартиру, где оставил коня.

Станислав Александрович запряг в кошеву своего саврасого бегунца и покинул село. Добрый отстоявшийся конь без передышки домчал хозяина до его деревни, отмахав тридцать верст. Проскочив поскотину, Свенцкий свернул у джогинской ограды влево, в переулочек новоселов, и подкатил к высокому круглому дому многосемейного переселенца Осипа Михайлова. Он знал — там стоит группа заречинцев, с которыми он виделся еще вчера перед выездом в Нижнюю Заимку. Среди них были боевые ребята, фронтовики Никифор Позднеев, Митрофан Кочетков, Федор Толкачев. Бросив лошадь без привязи у ворот, Свенцкий вбежал в избу.

— Тревога! Встать! Кто при оружии?

Но крепко подгулявших с вечера в масленую субботу заречинцев трудно было раскочать. Только Митрофан Кочетков уже прилаживал к ремню две гранаты-лимонки, привезенные им с германской вместе с карабином.

— Молодец, солдат, что не расстаешься с оружием. Вот оно и пригодится. Поедешь в разведку на моем бегунце. Вон он у ворот стоит. Пристал, правда, да время не ждет. В Нижней Заимке каратели, не едут ли сюда? Не прогляди, да и сам не попадись.

— Исполню, товарищ Свенцкий.

— Дальше Тракт-Ужета не поезжай. Если деревня свободна, останешься там наблюдать. Вышлешь кого-нибудь из тамошних с ихней подводой сообщить нам, чтоб мы знали, что ты не попал в их лапы и ведешь наблюдение.

— Все исполню, Станислав Александрович.

Выслав разведчика, Свенцкий направился домой узнать, кто еще прибыл без него, и разыскать черчетцев.

Но разыскивать никого не пришлось. Боевики сами шли ему навстречу. Он с тупостью увидел Трифона Силина и Ивана Половинника с группировавшимися вокруг них шегашетскими и кемченскими ребятами.

— Пополнение прибыло кстати, — вместо приветствия произнес Свеникий.

- Ночью приехали, кое-кто еще отсыпается - ответил Силин.

— Сколько у тебя?

- Семь человек.

— А у тебя, Иван Назарович?

— Пятеро, - ответил Половинкин.

— Рассказывать ничего не буду. Вижу по вещим встревоженным лицам, что вы обстановку знаете.

Савицкому понравилось, что все боевики были Щц вы, хотя шле Ні 1 ТРУДНО было Н перед искушением побаловаться самогонкой, тем более, что не подозревал о надвигающейся опасности/

— Пойдемте к *сборне*, обсудим все *по пути*, - предложил Станислав.

— Мои люди *здесь*, пойду подниму, — сказал Трифон Силин, показывая на угловой дом вдовы Татьяны Мутовиной. У нее на правах мужа давно обитал причисленный в крестьяне бывший политссыльный правый эсер Норенков, которому Бич, Свенцкий и другие руководители подполья не доверяли. Поэтому Станислав заметил:

— Зря ты к нему. Не наш это человек.

— Знаю, товарищ Свенцкий, но у него просторная горница, не хотел уводить людей далеко от края.

— Тогда давай всех своих в засаду на джогинское гумно, к поскотине. Думаю, что именно там придется держать главную оборону, если пойдут каратели. Как думаете?

Когда подошли к дому Свенцкого, Половинкин уже выводил своих ребят. Станислав узнал среди них только одного. Ему хорошо запомнился этот белокурый любознательный и разговорчивый парень, который несколькими днями раньше привез в Шитку в розвальнях Бича, Богдановича, Швейдецкого, Половинкина и Басурманина. А потом они все вместе, в том числе и Станислав со своим саврасым, впряженным в кошеву, поехали на последнее совещание руководящего подпольного большевистского центра в Сергиевский участок, который назывался еще Заречинским. Тогда там решался вопрос о восстании.

Из рассказов этого молодого фронтовика Свенцкий запомнил, что он сбежал с Юго-Западного Фронта вместе с Иваном Назаровичем — «служили в одной части. Других кемченцев Свенцкий не знал. Он спросил у знакомого солдата:

— Слушай, друг, а почему у тебя охотничья берданка? А г да же твоя фронтовая винтовка?

— Не вышло, товарищ Свенцкий. Отнял у меня ее офицер на станции...

— А почему у Ивана Назаровича не отняли драгунку?

— Дак ить он старший унтер-офицер, не поддался.
— А ты, значит, поддался? Ну, ничего. Думаю, что ты и с берданой будешь теперь бить врага не хуже, чем Иван Назарович из своей драгунки?
— Постараюсь, товарищ Свенцкий!
Свенцкий приказал Половинкину расставить людей, а самому возвращаться к сборне. Чемоданову велел послать одного из своих ребят к местным подпольщикам Гурьяну Мутовину и Евдокиму Смолину.
- Пусть пройдут по деревне и объявят всем мужикам , чтобы шли на сход.

Не заходя в свою избу, Свенцкий с оставшимися людьми пошел дальше. Сзади послышался чей-то голос:

— Станислав Александрович, а саврасый где?

Свенцкий оглянулся. Это был здоровый, высокий парень, живущий у него под вымышленной фамилией Оглоблина. И мало кто знал, что настоящие его имя и фамилия Павел Ермаков. Он появился здесь недавно вместе со своим дружкой Сашкой Мамаевым. Оба они, будучи мобилизованы в колчаковскую армию, бежали, но скрываться в родной деревне Бирюсе было опасно — там все время рыскала галошинская милиция, устраивала облавы на дезертиров. Сашка затянул его сюда по-, тому, что имел здесь родственников по отцу Семену Ивановичу Мамаеву. Они прихватили с собой боевые ружья, унесенные из колчаковской армии, но скрыть это от мамаевской родни не удалось. Хозяева встревожились. Сашку кое-как оставили у себя, а дружку его отказали. Мамаев выдавал себя в деревне за Вере такова.

Станислав Александрович внимательно приглядывался к каждому новичку, появлявшемуся в деревне. И сразу понял, что эти парни призывного возраста скрываются под несуразными фамилиями от преследования. Узнав о беде- Оглоблина, он предложил ему поселиться у него. Свенцкий не занимался хлебопашеством, а годами работал на строительстве тракторов и занимался охотой. Поэтому он держал двух лошадей.

— Будешь за конями приглядывать, — сказал он Пашке.

Сейчас, когда Оглоблин спросил про савраску, Станислав ответил вопросом на вопрос:

— Спят мои?

— Спали. Да давеча, как

вы возле избы разговаривали, Флора Андреевна очнулась,

— Савраска никуда не денется. А ты беги за своей трехлинейкой, и к сборне.

Сборня была открыта. Но ни там, ни на площади Никого не было. Вскоре подошли Гурьян Мутовин и Евдоким Смолин.

— Оповестили людей? Почему не идут? А где ваше оружие? — забросал их вопросами Станислав.

— Люди придут. А насчет оружия этот черт заикастый ничего не сказал, — отвечал Мутовин, кивнув на Никиту.

Тот, сильно заикаясь, с трудом объяснил, что умышленно промолчал про обстановку, дабы не вызвать преждевременной паники.

— Ни... ни... ни... ккто б на ссход не... не... не пришел.

— А что, Станислав, ай, что случилось? — встревожился Гурьян.

Мутовин был пятью годами старше Свенцкого. Плотный и кряжистый, как пень, он выглядел лет тридцати, тридцати пяти. Из местных крестьян он был самым активным подпольщиком и хорошим организатором, в ходе подготовки восстания руководил сбором боеприпасов, наладил тайное литье пуль и заготовку теплых рукавиц. Человек, наделенный от природы недюжинным умом, он всю жизнь ходил в батраках.

— Потом, Гурьян Яковлевич, все узнаешь. А сейчас идите оба за оружием, - сказал

Свенцкий.

Но Чемоданов не выдержал:

— Каратели, может быть, уже на подходе. Станислава Александровича в Нижней Заимке чуть было не захватили!

На площадь стали сходитья крестьяне. Первой пришла переселенческая молодежь: Иван Вихорев, Павел Веселов, Федот Михайлов, три брата Поташовы — Петр, Ефим и Василий. Появились и старожильные мужички из бедноты: Акатей Брюханов, Макар Жуков, Григорий Привалихин, Нил Пустынский.

Расставив своих людей, прибежали Силин и Половинкин. Вернулся Оглоблин, подошел и Сашка Верстаков.

И вдруг, как взорвавшаяся бомба, кто-то истошно прогремел:

— Человек по заречью аллюром скачет!

Толпа бросилась на Береговую улицу к верстовому столбу, откуда хорошо обозревалась заречная сторона.

Митрофан неся в вихре снежной пыли, стоя в кошеве.

— Каратели! — еще издали крикнул он.

— Много ли их? — спросил с большим волнением Свенцкий.

— Считать было недосуг, а подвод двадцать будет, да в каждой по трое, а то и более солдат. Так что, посчитай, с полсотни беляков идет, не мене. Следом жмут, вот-вот тут будут. Маленько не попался им в руки.

Станислав побледнел.

— Срочно перегруппировать людей! Оставить у поскотины человек пять, остальных — в засаду по дворам и на восточный край. Силин, Половинкин, Кочетков! — в кошеву. Подброшу вас, а сам поставлю бегунца, да забегу за ружьем и патронами.

Всю группу черчетцев вместе с Оглоблиным и Верстаковым во главе с Чемодановым он оставил на месте для обороны центра у верстового столба, куда выходит зимник и где хорошим прикрытием служила одинокая избушка вдовы Матрены Пановой.

— Я, друзья мои боевые, сами знаете, с девятнадцати лет в тюрьмах да ссылках и военного дела не знаю, — говорил Станислав Александрович по пути своим товарищам. — Вижу, маловато нас, а шиткинцы — ни старожилы, ни новоселы — ни один не вышел с ружьем. Да и сами мы просчитались, опоздали объявить толком. Вся надежда на ряса да на ваших ребят. Эх, Иван Андреевич, где ты сейчас!

2. Каратели

Полурота в пятьдесят солдат при четырех офицерах под командой подпоручика Чередины прибыла из Нижнеудинска в Тайшет в субботу вечером первого марта, в то время, когда в Нижней Заимке только готовилось, подпольное собрание..

Накануне, 28 февраля, комендант станции Тайшет поручик Медведев донес по прямому проводу начальнику Нижнеудинского военного района подьесаулу Кузнецову, что в Тайшете ходят усиленные слухи, будто с Тасеево и Канска к Нижнеуданску продвигаются отряды красных. В деревне Шиткиной, сообщил он, существует организация, которая решила открыто поддержать тасеевцев.

— На чем основаны эти сведения? — спрашивал нач- военрайона.

— На сообщении начальника Тайшетской милиции Галошина, — был ответ.

Деятельность шиткинских подпольщиков, тайные собрания, формирование добровольческих групп, подозрительное оживление в селах, деревнях и на переселенческих участках, особенно накануне восстания, конечно, не могли остаться незамеченными для предателей, врагов народа из числа купцов, лавочников, кулаков, учредцловцев и правых эсеров. От них об этом быстро узнавали в Тайшете, в первую очередь земцы и подчиненная им милиция.

Для расправы с «бунтовщиками» и был прислан белогвардейский отряд от 8-й роты 11-го нижнеудинского стрелкового полка. Оставив в Тайшете двадцать солдат с одним

офицером в помощь охваченному паникой местному гарнизону, Чередин с остальными тридцатью солдатами при трех офицерах, прихватив с собой 18 милиционеров во главе с . Галошиным, на срочно мобилизованных крестьянских подводах ночью же выехали в сторону Старого Акульшета.

В 3 часа ночи белогвардейцы были уже в Нижней Заимке. Село мирно спало, в досталь нагулявшись с масляной субботы и видя воскресные сны, кроме тех, кто был озабочен надвигавшимися событиями или загулял через меру. Выставив посты на всех входах и выходах из села, отряд подъехал к дому купца Николая Сидоровича Иванова, куда привел их прихваченный в деревне Коноваловой кулак Илья Лебедев.

Вскоре в доме Ивановых зажглись огни, и сюда потянулись те, кто до мозга костей ненавидел Советы, большевиков и всех, им сочувствующих. Здесь оказались купец Алексей Москвитян, кулаки Григорий Савельевский и Харитон Гурнеев, церковный староста Макар Захарин, прозванный Макаром Долгим за свой большой рост. Пригласили и священника Александра Пономарева. Но поп был умный и хитрый. Зачем ему ввязываться в это темное дело, которое неизвестно еще, чем кончится, думал он.

— Мирские дела, ваше благородие, меня не касаются. Церковь борется с крамолой словом божьим, — елейно прогнусавил он.

Карателям некогда было возиться со святым отцом, да и без него доносчиков хватало с избытком.

— Пойду я, ваше благородие, в свою обитель. Матушка занедужила...

Кто отпустили.

Послали за старостой. Им был владелец шерстобитки Кузьма Григорьев.

— Что ж это такое, староста? — обратился к нему подпоручик Чередин. — Красную заразу разводишь, большевиков расплодил. Под носом у тебя какие-то тайные сборища. устраиваются, дезертиры из армии верховного правителя свободно, разгуливают, а ты молчишь, а?

—: Виноват, ваше благородие. Беглые есть, это верно, А большевиков не видал, не знаю таких. И про то, что собираются, не ведал.

— Знать не знаю и ведать не ведаю! Ха-ха-ха! — язвительно расхохотался офицер.

Предатели уже сообщили ему, что староста хотя человек состоятельный и ни в чем крамольном не замечен, . но на противоправительственные деяния смотрит сквозь пальцы и им, верным слугам верховного правителя, не помогает бороться с бунтовщиками.

— Немедля снарядить 20 подвод. Открыть сельскую кутузку, да чтоб свет там был! — приказал начальник карательного отряда старосте.

— Галошин, — обратился он к милиционерскому начальнику, — выделите ему двух милиционеров, пусть отведет их в сельскую и передаст ключи.

Староста и Галошин вышли. . Вертевшийся неотступно возле Чередина Гурнеев угодливо заметил:

— Не маловато ли подвоя, господин подпоручик?

- Офицеров повезете вы, ваши в счет не идут. .

- Само Собой, ваше благородие. Однако я это к тому, что меньше воз лучше подвоз.

Галошин вернулся быстро и доложил:

— Ваше приказание выполнено, господин подпоручик.

Галошин был для Чередина настоящей находкой. До Февральской революции этот довольно тучный мужчина средних лет, склонный уже к полноте, с расплывчатым круглым лицом, похожим на луну, с приплюснутым, чуть ли не провалившимся, как у сифилитика, носом, служил волостным писарем в Мохначих — так называли чаще всего Неванку, где была волость.

Человек очень ограниченный, малоразговорчивый, он вместе с тем был очень груб и властолюбив. Сидя за писарским столом волостной управы, он был еще на своем месте. На этом посту он сблизился с политссыльными эсерами, преобладавшими в неванской

ссылке. Бесцеремонно, как гоголевский почтмейстер, он перечитывал попадавшие ему в руки входящие и исходящие письма, проявляя особый интерес к корреспонденции большевиков. И все, что казалось ему значительным, сообщал своим политическим отцам и правых эсеров. После Февральской революции многие из них перекочевали в Тайшет, окопавшись в кооперации, и перетащили сюда Галошина, которого сделали начальником волостной милиции. В короткий период первых Советов Галошин проболтался не у дел, а когда в Сибири снова временно восторжествовала контрреволюция, опять всплыл на поверхность.

— Пожалста, Петр Иваныч, занимайте свой прежний пост, — предложили ему земцы.

Впрочем, по имени-отчеству его величали только при встречах, а заглазно называли просто Галошей, что очень подходило к этому тупице и солдафону.

Галошин хорошо знал всех политссыльных Неванской волости в лицо, как и многих крестьян. Это было очень кстати для карательной экспедиции.

За выпивкой и доброй закуской предатели рассказали о главных руководителях подпольного движения, особенно о Биче и Свенцком, а потом наперебой стали называть имена местных подпольщиков и всех подозрительных.

~ Москвитины Яков и Константин. Да и Марк тоже. По отцу их Мироновыми в деревне зовут. Головорезы! Всех троих и прибрать надобно.

— Криволуцкий Прокопий, Дмитрия Васильевича сын. Большевик!

— Чайковский Филипп, из ссыльных поляков, сидельцем. в винодолке был. Тоже, должно, большевик. Одна шайка.

— Лифантьев Никон. В годах уже, семья — семь ртов, а тоже к ним в компанию вошел. Дружок Свенцкого.

- Тахватулин Васька, татарин, батрак, сукин сын!

Наряды солдат тотчас же уходили по указанным адресам в сопровождении Гришки Петрова, Макара Долгого и других предателей.

Рыскали по домам, стучали в окна и ворота, перемахивали через прясла и заплоты, били прикладами в двери, врываются в дома, разбуженные налетом карателей тревожно вскакивали с постелей и крестились старики и женщины, наскоро одевались и уходили из дома дезертиры, думал, что солдаты приехали за ними. По белякам было на этот раз не до них. Им нужны были главные зачинщики готовящегося бунта.

Два дружка, Федор Запасов и Филимон Кочергин, загуляв с масляной субботы, еще не ложились спать и первыми увидели карателей.

У них были все основания опасаться их — ребята недавно, бежали от Колчака. В розвальнях с колокольцами парни решили прорваться через белогвардейскую заставу, Прикинувшись пьяными, затянули разухабистую песню.

Опешившие часовые пропустили гуляк, но, одумавшись, тут же стали стрелять им вслед. Беглецы плашмя прижались к саням, погоня лошадь. Вдруг статный соловый мерин рухнул, и захлебнулся веселый звон колокольцев. Выскочив из саней, двое бросились по глубокому снегу под гору в лес. Прозвучало еще несколько выстрелов, но ребятам удалось уйти. Когда они были уже в безопасности, остановились, чтобы отдышаться. И тут вдруг Филимон, рослый двадцатилетний сибиряк, заплакал, как малое дитя.

- Эх, Соловка жалко. Это был любимый конь наш, зажиточного крестьянина Николая Филимоновича Кочергина, активного подпольщика. Пешие, по пояс в снегу беглецы стали пробираться на филимоновскую заимку, что в семи верстах от села.

Многие подпольщики успели скрыться на заимки еще до прибытия отряда. Другие ушли в соседнюю заречную деревню Борисово. Некоторые прятались в стайках, банях и амбарах.

Прокопий Криволицкий, работавший продавцом в местном кооперативе, сразу с собрания поспешил в лавку, чтобы вынести и перепрятать имевшиеся в потребилке боеприпасы. Их было немало: три пуда пороху, двадцать пудов дроби, свинец и пистоны. Дело надо было сделать быстро и незаметно, и Прокопий решил перетащить боеприпасы под крыльцо. Едва он успел с этим, справиться, как в село порвались карателя. Одетый налегке, не побывав после собрания дома, Прокопий укрылся под амбаром. Он слышал скрип снега под ногами рыскавших вокруг белогвардейцев и их голоса. А дома в это время в страхе жались и утирали слезы старуха-мать Федосья Алексеевна, жена Марфуша, сестренка Саша и малые братишки. Арестовали только братьев Москвитиных. Предатели не решились выдать одного из главных подпольщиков Евдокима Кочергина. Все - таки как ни как сын самого богатого в деревне кулака Григория Филимоновича. Ссорится с ним пока боялись.

Москвитиных посадили в "чижовку» под охрану двух милиционеров и сельского старосты. Галошин предупредил,- чтобы смотрели в оба.

— На обратном пути заберем их. А ты, староста, смотри мне, чтоб никаких беспорядков. Головой ответишь.

Перед посадкой на подводы отряд выстроился. Солдатам объявили приметы главных большевистских вожаков, которые могут оказаться в Шиткиной, чтобы знали, кого хватать живыми. В выражениях не стеснялись, изображая, любимцев и защитников народа какими-то уродами и кретинами.

— Бич, лет 35, а то и 40. Роста выше среднего, темно-русый, без бороды, с маленькими усиками. Глаза голубые. Близорукий и часто носит пенсне, но иногда ходит и без них. Самоход- лапотон, белорус, значит, и говорит с акцентом. Левая рука со скрюченными пальцами. Разговаривая, вскидывает голову слегка кверху. Шапка-ушанка. Запомните: это Бич, главный смутьян краснозадый.

- Свенцкий, его дружок, первый помощник. Этот помоложе, лет 25—30. Роста среднего, глаза серые, но рыжий и конопатый — вот его главная примета. Без бороды и усов. В полушубке. Дом, где он живет, на берегу, почти посреди улицы — длинный, как барак, так и стоит вдоль улицы. Другого такого дома там нет. Запомните: конопатый — это Свенцкий. Этих обоих брать только живьем.

Недолго пробыли каратели в Нижней Заимке, да много узнали.

Ночь была на изломе, когда отряд Чередина и Галошина покинул село. С большой высоты, окруженная мириадами звезд, маленькая, уже ущербная луна предательски светила во все свечи, помогая карателям. Или она думала, что Это мирные крестьяне возвращаются домой из соседнего села после веселого масленого гуляния?

Впереди ехал Галошин с двумя милиционерами. Их вез в своей кошеве Николай Иванов. За ними в розвальнях следовали остальные милиционеры. В кошеве кулака Алексея Москвитина сидел Чередин со вторым подпоручиком. Коноваловский Илья Лебедев вез третьего офицера и двух белогвардейцев. Вслед им бежал савельевский жеребчик, впряженный в розвальни. В этих санях сидел и Харитон Гурнеев, не ухитрившийся все-таки избежать подорожной.

Ехали с колокольцами, коней не жалели и громко разговаривали. Возчики вспоминали, чей же это дом, в котором теперь живет Свенцкий.

— Помнится мне, что ставил его еще родитель Егора Бурмакина Страдой Елисеевич, — говорил Харитон Гурнеев, — Давненько это было. Я, тажно, еще в парях ходил. Опосля старик продал дом поселенцу еврею Якову Половинному. Ну и дошлый еврей! Ссылный, а лавку открыл в одной половине, а в другой— хватера. Как манифест-то вышел, царский указ такой, потому, как триста лет дому Романовых было, чтоб, значит, поселенцев отпускать, так Половицкий домой подался, а дом-то другому поляку продал. Там теперь Свенцкий и живет.

Спереди донесся голос Галошина:

— Это дом Ополченского, тоже ссыльный. Поло- вицкий при' мне уезнсал и ему дом

продал., А Свенцкий у него вроде как квартирант — в лавке живет. Я их всех знаю, как огурчиков, да теперь это не моя волость, — похвалялся бывший неванский волостной писарь.—Тогда Шиткина-то моей волости была.

К деревне Тракт-Ужет подъехали уже перед рассветом. Но ни в одной избе света еще не было. Весь, обоз остановился у ворот ограды Федора Кутузовского. Офицеры и кулаки-возчики ввалились в дом. Старик долго сросонья не мог понять, в чем дело.

— Ставь самогонку, Федор Иванович, опохмелиться надобно, — ошаршили его в один, голос возчики. — Да ты не бойся, все свои. Господа офицеры, храбрые защитники наши, тоже, чать, любят масленку. Озябли мы, поспешай, Кутузяка.

Хозяин зло покосился на самозванных дружков и нежеланных гостей, но велел старухе накрыть на стол.

— Ничего не надо, господа, — сказал Чередин. — Некогда нам. Вот разве на ходу по стаканчику опрокинем, обогреемся и дальше.

«Скорее бы вас унесло, окаянных,— подумал Федор. — Гляди-тко, какая свора собралась. А эти-то пьявки заимские, чего им надо?».

Стали расспрашивать о том, о сем, не видал ли Свенцкого, не проезжал ли кто.

- В вашей-то деревне спокойно? — спросил Галошин.

Но старик был сам себе на уме к лишнего не болтал. |

- А что, аль что приключилось?

- Хватит, господа! — ударив кулаком по столу, сказал подпоручик, видя, что офицеры и возчики охотно подливают себе самогон. — Пора. Не на гулянку едем, какие силы там и чем встретят — не знаем. Потом свое отгуляем. С богом, господа,. Спасибо, хозяин. за угощение.

Офицеры вышли на улицу. где у ворот топтались солдаты и подводчики, поеживаясь от крепкого еще морозна и надеясь, что и им преподнесут. Но ни тем. ни другим не перепало.

Стали усаживаться в сани. разворачивать лошадей. Зазвенели колокольцы.

- Снять погрешки! — скомандовал Чередин. Следовать тем же порядком.

Митрофан миновал Дубровинский хутор, проскочил через мост и стал въезжать на бугор, как вдруг услышал подозрительный шум, громкие голоса и позванивание колокольцев. Он понял, что в деревне большое скопление людей, и этими людьми могли быть только незваные каратели. Но за высокими заплотами их нё было видно. Он быстро развернул коня и натянул поводья. Приставший бегунец почувал, что пахнет домом, и это придало ему резвости.

Первыми разведчика с ружьем за спиной заметили Галошин и Иванов, как только они выкатили из петрова нова проулка на тракт.

— Стой! Стой! — закричал Галошин, хватаясь за ружье сидящего с ним рядом милиционера. У самого Галошина был только наган, а спина беглеца мелькала далеко. Скоро разведчик и совсем скрылся из поля зрения карателей.

- Это не иначе, как их разведчик, господин подпоручик, — обернувшись в сторону следовавшего через несколько подвод за ним Чередина, прокричал Галошин.

— Гнать быстрее! Настигнуть во что бы то ни стало! Целиться в лошадь, лазутчик нужен нам живым, командовал Чередин.

Но в белогвардейском обозе в каждых санях было по три и по четыре человека. Разница груза была в пользу разведчика. Для карателей он словно сквозь землю провалился. Лишь через три версты, на Семионовой заимке, какая-то женщина на расспросы карателей показала в сторону татарской деревни на зимник. Он сворачивал с тракта на правый берег реки, проходил по краю Сергиевского или Заречинского участка и вел в татарскую деревню Кавказ, а оттуда через замерзшие протоки на большой остров. Зимник по заречью мало 'сокращал путь, но дорога здесь была легче. Митрофан свернул на него в расчете и на то, чтобы запутать следы.

— Я знаю того мужика, он из той деревни, из Заречинска, — добавила словоохотливая женщина.

- Чей он?

- Как звать-величать, не знаю, а только из той деревни. Сознательно или бессознательно женщина говорила правду. К счастью, это не повредило, а помогло разведчику.

Белогвардейцы несколько замешкались, решая, какой путь избрать, но в конце концов свернули. То же произошло у Заречинского участка. Может быть, Свенцкий и вся «банда» здесь? Они оглядели маленькую, в пятнадцать дворов, деревушку, но ничего подозрительного не обнаружили. Про то же, что именно здесь находилась штаб-квартира руководящего подпольного большевистского центра по подготовке восстания, не знали не только враги, но и многие друзья.

Въехав в пустынную без оград деревню Кавказ, колчаковцы поманили к себе вжившегося у сарая крестьянина. На их расспросы он отвечал бестолково.

— Поехала, много поехала.

- Как много? ,

- Так, много поехала.

— Один ведь?

- Ага. Один, один много поехала.

- Да ты Свенцкого знаешь?

- Знаем, знаем. Хороший человек, Свенцава все знаем.

- Тьфу, — сплюнул Чередин. — Татарин и есть татарин.

- Татарин, татарин, — подтвердил крестьянин.

Молчавший до этого Галошин вспылал:

— Да он дурачка из себя корчит, господин подпоручик. Эй, ты, татарская морда, отвечай толком, а то плетей получишь, — схватил он мужичка за шиворот.

- Ага, ага, мы только отвечаем, пожалста...

Галошин уже замахнулся плетью, но поручик остановил его:-

- Не надо, Галошин. Видите, человек ничего не понимает.

— Как не понимаем? Все понимаем, господин начальник. — возразил вдруг неожиданно татарин.

Теперь уже вскипел подпоручик:

- А если понимаешь, так какого же ты черта дурачка корчишь?

- Это она сказала, дурачка корчишь. — показал крестьянин рукой на Галошина.

Подпоручик яростно взмахнул нагайкой и опустил ее на спину татарина. Тот завизжал и опрометью бросился прочь.

Каратели поехали дальше. Через некоторое время, выехав на открытую местность острова, впервые за время погони очень далеко впереди увидели удаляющуюся от них быстро несущуюся упряжку. Поднялся целый вой радостных криков. Митрофан, как это ни странно, увидев преследователей, только успокоился. Он гнал коня и не переставал думать с тревогой о том, не идут ли каратели трактором, не опередили ли его. Теперь они его не догонят, и он успеет предупредить товарищей! Вскоре он снова исчез из поля видимости для карателей за зарослями черемушника и таволожника, за которыми начинался лес.

Поняв, что их появление не может быть для шиткинцев неожиданным и тем более внезапным, каратели решили по пути изменить свой план. Подъехав к единственной на острове безлюдной заимке, которая принадлежала шиткинскому крестьянину Егору Страдоновичу Бурмакину, но теперь была пуста, каратели устроили короткое совещание. Было решено сделать глубокий обход деревни по зимним дорогам-временкам. Это предложили не военные, а нижнезаимские кулаки, хорошо знавшие деревню, окрестные места, все въезды, выезды и переулки. Если бунтовщик могли ждать их с западного края тракта, а теперь ждут с заречья, то они уж никак не ждут их с севера. Именно заехав оттуда,

можно еще рассчитывать на некоторую внезапность, ошарашить красных и осуществить захват главарей.

Карательный отряд разделился на две части. В первую, основную группу, были включены вся галошинская милиция, Чередин с вторым подпоручиком, кулаки-возчики. кроме черного бородача Григория Савельевского, и десятка два белогвардейских солдат. Пока эта группа шла в обход, остальные колчаковцы во главе с прапорщиком Белецким отстаивались у Страдоновой заимки. Им отводилась второстепенная роль: следуя той же дорогой, что и разведчик — прямо к Барабе, отвлечь внимание повстанцев, ввести их в заблуждение. Чтобы те не сразу поняли обман, группе придавалась видимость большого отряда. Им оставили почти половину всех подвод. На каждой два- три седока: возчик и один или два солдата. Действовать приказывалось в зависимости от обстановки. Через полчаса, как было условлено, маленький отряд покинул заимку.

3 Схватка

Повстанцы не знали о коварном замысле карателей. И когда Свенцкий входил в дом , основные силы их во главе с Галошиным ворвались в деревню со стороны Нижней речки через сосновый бор.

Выставив здесь посты и разослав часть санных и свешенных белогвардейцев в обход по дамам и переулкам. Чередин и галошинцы устремились к центру по главной Трактовой улице, которую новоселы и ссыльные называли Чалдонской. У сворота на Береговую улицу, там, где стоит часовня и начинается «заверталовка», ведущая к усадьбам сплошь Бурмакиных и Мутовиных, предатели спрыгнули с саней и поспешили к своим сватам и кумовьям, оставив своих лошадей в распоряжении Карателей.

Тем временем в заречье показались солдаты прапорщика Белецкого. Сани скользили быстро, но с большим- интервалом. Обоз растянулся и казался внушительным. Когда колчаковцы, держа винтовки на изготовку, стали приближаться к берегу, укрывавшаяся за Матрениной избушкой группа Николая Чемоданова вскинула ружья и дала залп. Видно было , как один .белогвардеец клюнул носом в розвальни и выронил винтовку, которая так и осталась лежать на снегу. Солдаты спешили и рассыпались в цепь. Воспользовавшись этим, возницы стегнули _коней и помчались дальше, к восточному краю деревни, в которую там вело множество безымянных переулков.

— Назад! — закричал прапорщик и выстрелил для острастки из нагана.

Но остановились лишь две-три подводы, да покорный и хитрый Григорий Савельевский подкатил к Белецкому.

- Садитесь, господин прапорщик, вмиг догоним!

Прапорщик воспользовался предложением, чтобы уйти из-под пуль, и оставил своих солдат.

Выехав по Баландину переулку на Березовую, они столкнулись с Черединым и галошинцами.

— Цепь пошла в наступление, господин подпоручик! - отрапортовал Белецкий.

- Мужики, сукины дети, бросили нас, и я погнался за ними. Да где там!

Не дожидаясь реакции начальства, Белецкий перескочил в кошеву Чередна. Оставшийся не у дел кулак Савельевский завернул к свояку Дмитрию Бурмакину.

Идущие цепью по глубокому снегу колчаковцы были хорошей мишенью для повстанцев, но , к Барабе со всех переулков неслись белогвардейцы. Группа Чемоданова едва успела укрыться в ближайшие ограды и оттуда в щели заплотов - и из-за других укрытий открыть огонь по карателям.

Но подводы с галошинца и череднинцами прорвались к дому Свенцкого. ...Станислав уже набил карманы полушубка патронами, когда услышал первые вые выстрелы. Он поцеловал шестилетнюю дочь Халю и малютку Зисийка, схватил централку и обернулся к выходу. Но Флора Андреевна¹ преградила ему путь:

— Там смерть, Стась!
— Там други! Ты разумеешь, до чинишь? — вдруг произнес он по-польски .
— Почекай, Стась. Не могу я, слаба...
- Флорентина! — он схватил ее, крепко прижал к себе, поцеловав и резко отстранил.
Выход из дома вел не на двор, а прямо на улицу. Станислав, распахнул дверь и отпрянул.

Каратели ворвались, как шаровая молния, и с той же быстротой вытолкали Свенцкого из избы. Небольшого роста, шупленький человек отбивался с остервенением - вывернулся из полушубка, но Галошин ударил его рукояткой нагана по голове. Бандиты бросили раздетого Станислава в кошеву, и вся свора буквально уселась на него верхом, вихрем понеслась, в заречье.

Трофим Силин, находившийся в засаде через два-три дома, в ограде Митрофана Бурмакина, услышал подозрительный шум и возню. Он уже собирался выскочить из укрытия, которым служила кладь дранья, но тут из новоселовского переулкавылетела шедшая в объезд подвода с колчаковцами и тоже повернула к дому Свенцкого. Метким выстрелом Трифон снял одного белогвардейца. Бандит вывалился из саней, беляки кинулись поднимать его. Вдруг рядом прозвучал второй выстрел, Это из соседней-; пустовавшей избушки кузнеца Меркурия стрелял Иван Половинкин. Один из поднимающих выронил винтовку, схватился рукой за окровавленное плечо и, не поднимая ружья, бросился бежать. Остальные подхватили убитого и волоком потащили к саням.

Силин и Половинкин почти одновременно выскочили из укрытий, перемахнули через прясла и с криком «Ура! Вперед! Бей гадов!» послали несколько пуль вдогонку карателям. Но было уже поздно. Колчаковцы все удалялись, отстреливаясь на ходу.

Вдруг с шумом распахнулась дверь в доме Свенцкого, и оттуда простоволосая, с платком на плечах выбежала Флора Андреевна.

— Стась!.. Стась!.. — кричала она, пересекая дорогу.

Женщина, как обезумевшая, побежала к реке, будто могла догнать и выручить того, кто был для нее другом по тюрьмам и ссылке, и мужем. и отцом ее детей и кого увозили от нее навсегда. - Товарища догнали ее, отвели домой.

Каратели удирали стихийно, без команды. Чередин и Галошин забыли не только о своих хозяевах-возчиках, чьи кони спасли их сейчас от беды. Они бросили на произвол судьбы и спешенных солдат. И те, догоняя отступающих, прыгали в сани и кошевы, стаскивали других, вываливались сами. На острове к ним цеплялись те, что пошли было в цепь, да были брошены и возчиками и прапорщиком Белецким.

Григорий Савельевский уже распряг лошадь, но выстрелы и жаркая схватка на улице подсказали ему, что засиживаться не придется, и он снова завел коня в оглобли. Из соседней ограды Африкой Бурмакин сказал ему через заплот:

— Брось ты их, своячок, не вези обратно, супостатов. Ставь коня и сани в завозню, будто тебя тут и не было.

— Эт-та как же я могу правительственные войска бросить? Нет, я привез, я и отвезу; а ты, свояк, меля «е путай, — отвечал предатель, надевая хомут на лошадь. ч

— Себе хомут-то на шею наденешь.

Предатель управился вовремя. Он старательно подбирал на ходу отставших колчаковцев.

На Чалдонской улице группа колчаковцев сразу при въезде в деревню захватила Гурьяна Мутовина и Евдокима Смолина. Трое беляков вели их под ружьем. Это видел со своего двора старик-политссылный Ян Амбрамсон. Он мигом сбегал в избу за дробовиком и, прицелившись в одного карателя, дал выстрел. Колчаковец упал. Его дружки стали озиаться вокруг, силясь понять, откуда стреляют. Воспользовавшись этим, Гурьян и Евдоким побежали.

— Стой! - крикнули колчаковцы и вскинули ружья.

Но оба были уже за оградами, а раненый простонал:

— Не бросайте меня, братцы.

Солдаты подняли его и повели в сторону сборни, где по условию был назначен сбор карательного отряда. Их догнала вынырнувшая из переулка подвода.

— Садись! Наши отступили!

«Дружки» бросили раненого и прыгнули в сани.

Силин и Половинкин, продвигаясь по Береговой улице к центру деревни, где еще слышался шум суматохи, соединились у Привалихинского переулка с группой Чемоданова, которая также вышла из засады, и все еще обстреливали отступающих уже далеко по заречью карателей.

— Не достанет, зря боеприпасы только тратить, - сказал Трифон. — Давайте на тот край, — показал он в сторону сборни.

В центре деревни, на перекрестке двух улиц, никого, кроме выглядывающих на приоткрытых калиток вездесущих мальчишек, не было. Чемоданов повел всех своих ребят на «заверталовку» осмотреть получше восточный край. Едва парни свернули за часовню, как увидели перебегающего из переулка в переулок возле дома Архипа Мутовина вооруженного солдата.

— Стой, гад! первым крикнул Андрей Лесюк и, вскинув ружье, выстрелил.

Колчаковец успел скрыться в проулок, что вел от дома вдовы-солдатки Лизаветы Брюхановой к реке. Началась погоня, Андрей и Федор пошли по следу, а Никита с Владимиром шмыгнули в проулок между домами Архипа Мутовина и Михаила Бурмакина, чтобы обойти и перехватить беглеца. Тот был уже у берега, когда они вышли ему наперерез. Казакевич почти в упор наставил на беглеца ружье:

— Ну, куда ты драпаешь? Стрелять тебя, что ли?

— Я мобилизованный... Я не стрелял, — поднял руки солдат.

— Ага, сцапали! — воскликнул Федор Головачев, уже подоспевший вместе с Андреем.

- В штаб! — толкнул солдата Никита Кудрявцев, после того как с колчаковца сняли винтовку и ремень с двумя подсумками, битом набитыми патронами Навстречу им бежал Николай Чемоданов с двумя повстанцами. Услышав выстрел, они спешили на помощь.

— Где захватили? — спросил Николай.

— Удирал, гад.

— На посту я стоял. Я не стрелял, — дрожа от страха, отвечал солдат.

— Есть тут кто еще, говори, да не брешь, а то сразу кокнем.

— Нет. Один я тут на посту был. Я не стрелял. Я мобилизованный...

Когда они подходили к сборне, здесь было уже порядочно народу.

Едва стих бой и миновала опасность, вылезли из домов и стаек попрятавшиеся и не принявшие никакого участия в отпоре врагу некоторые шегашетские и зареченские парни, местная переселенческая "холостежь», числившаяся в добровольцах, подходили крестьяне.

Пока черчетцы обшаривали заверталовку и брали в плен колчаковца, кто-то сообщил, что один колчаковский солдат остался на посту на северном краю за большой листовницей у «Борка», а на гумне Поликарпа Рукосуева прячется раненый каратель. Половинкин, прихватив Митрофана Кочеткова и Александра Семенова, пошел за ними.

Черчетцы подошли к сборне.

- Куда этого? - спросил Николай у Силина.

- Давайте пока в сборню. Думаю, что он будет не единственный живой трофей. Вскоре Половинкин привел двух колчаковцев. При взятии они не оказали сопротивления. И этих завели в сборню. Вошли туда и намерзшиеся с утра боевики и прятывшиеся добровольцы. Снесли отобранное у пленных и подобранное на поле боя оружие: пять трехлинейных винтовок, шесть подсумков с патронами, ремни, да оброненный, очевидно, одним из офицеров, наган.

Владимир Казакевич заметил, что раненный пленный плох.

- Надо бы в избу этого, пусть бабы обиходят, а вот докторов-то у нас нет.

С этим все согласились и поручили Гульяну Мутовину отвести и определить солдата.

- Он меня, паскуда, хотел офицерам сдать, а я его спасти должен?

- Я б...бы их всех к..к.. к стенке или в пр-пр-прорубь с головой - вставил Никита Кудрявцев.

Все посмотрели на него как бы с укором. Он с карабином через плечо и двумя подвешенными к ремню гранатами точно напомнил о трагедии. Как неуместно сейчас похвалиться своими «лимонками», которые бездействовали тогда, когда могли сыграть такую важную роль.

Раненного отвел Василий Поташов

- Эх, что скажем мы Ивану Андреевичу, — как бы рассуждая вслух, произнес вдруг Федор Головачев.

- Да, у каждого из нас словно камень на сердце, — заговорил Трифон Силин. Но мы теперь ничего не исправим. Первая схватка первая потеря. Потеря очень тяжелая, страшная. Но это и первая победа. Да, все-таки, это победа, товарищи. Сколько нас вступило в бой с этими гадами? — кивнул он в сторону сидевших в углу и дрожавших от страха колчаковских солдат. — Не более десятка с нашей стороны вели этот бой. И эти десять человек прогнали хорошо вооруженный большой отряд белогвардейцев вместе с их офицерами. Сколько мы их положили? Пусть они сами теперь посчитывают. Давайте решим товарищи, что делать будем: созывать народ, ждать Ивана Андреевича или ходить к нему навстречу?

— Дождем, вот-вот должен подойти, к утру или к обеду обещал, а дело к эму и идет.

На том и порешили. Оставив одного добровольца охранять пленных, вышли на- ружу. «Штаб», который как бы сам собой образовался из Силина, Чемоданова, Половинкина, расставил посты и разослал патрули по всем улицам и переулкам.

Не прошло и получаса, как с северного края деревни донеслись ликующие крики, передаваемые и подхватываемые от одного к другому:

- Бич с отрядом едет!

-Иван Андреевич едет!

— Едут! Едут?